

Контракт с подгорным королем

Влада Коваль

18+

Влада Коваль

Контракт с подгорным королем

«Автор»

2026

Коваль В.

Контракт с подгорным королем / В. Коваль — «Автор», 2026

Она мечтала о спокойной жизни главного бухгалтера: утренний кофе, растения в кабинете и никаких сюрпризов. Но судьба решила иначе. Обычный визит в архив обернулся падением в другой мир, про который читала разве что в детстве, в сказках. Что ждёт её в этом мире? Страх, лишения и бесславная гибель? Или слава, богатства и, возможно, долгожданная любовь? Увидим...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14

Влада Коваль

Контракт с подгорным королем

Глава 1

Лена вошла в свой кабинет ровно в 8:45, как делала это каждое утро уже третий год, и первым делом щелкнула выключателем - люминесцентные лампы потолочных светильников зажужжали, заливая помещение ровным холодным светом, который делал кожу бледнее, чем она была на самом деле. Девушка стянула с плеч бежевый пиджак, аккуратно повесила его на спинку кресла и поправила воротник белой блузки, которая всегда сидела безупречно, подчеркивая тонкую шею и ключицы. Сегодня она выбрала светлый пучок на затылке, выпустив пару прядей, чтобы смягчить слишком строгий офисный образ, и теперь рыжеватые волосы чуть касались щек, когда она наклоняла голову. Она знала, что выглядит хорошо - неброско, но со вкусом, как и подобает главному бухгалтеру крупной строительной компании, где каждый жест должен внушать доверие. Ей шли неброские серьги-гвоздики и тонкий браслет на запястье, который она носила с тех пор, когда получила повышение. Она поправила очки в тонкой оправе, которые чуть сползли к переносице, и выдохнула. Рабочий день начался.

Лена подошла к ближайшему горшку с огромной монстерой, которая разрослась так, что ее листья касались потолка и свисали вниз, закрывая полку с папками, и взяла лейку с длинным носиком, чтобы начать утренний обход. Она полюбила растения недавно, с тех пор как психолог посоветовал найти способ снимать стресс, и теперь ее кабинет превратился в настоящие джунгли: фикусы, монстеры, спатифиллумы, zamiокулькасы и даже пара орхидей на подоконнике, которые хотя и требовали внимания, но взамен давали долгожданное успокоение. Лена медленно поливала каждый горшок по очереди, начиная с монстеры и заканчивая маленьким кактусом на столе, следя за тем, чтобы вода пропитывала землю равномерно, без луж на поверхности, потому что она знала: избыток влаги губит корни, как и избыток отчетности убивает нервную систему. Пальцы у нее были длинные и тонкие, с аккуратным маникюром. Бледно-розовый, ничего лишнего, строгость и лёгкость в одном флаконе. Как она любила и ценила эти моменты тишины, когда кабинет еще не наполнился шумом рабочего дня, звонками и нервами, а вместо них была только зелень, влажный запах земли и прохлада утра. Она касалась каждого листа, проверяя, не появилась ли паутина или сухая пятнистость, и чувствовала, как напряжение уходит через кончики пальцев, оставляя приятную расслабленность, которую невозможно было получить ни от кофе, ни от долгого сна. Иногда ей казалось, что эти растения - единственное, что держит ее в этом кабинете, а если убрать их, останется только серая мебель и белые стены. Думала, будто без зелени она задохнется в этом мире цифр, где ничто не растет и не дышит, кроме нее самой.

Кофемашина в углу зафырчала, выпуская пар, и Лена подставила под носик любимую кружку с надписью «Бухгалтер - это не профессия, это призвание», подаренную коллегами на Новый год, и нажала кнопку двойного эспresso. Пока коричневая струя наполняла емкость, она бросила взгляд в окно. Там, за стеклом простирался утренний город, серый и суетливый, где уже мелькали машины и спешили люди куда-то по своим бесконечно важным делам. Но здесь, на десятом этаже, это была лишь картинка без звука. Лена взяла кружку обеими руками, грея ладони, и сделала маленький глоток, чувствуя, как горечь обжигает язык, а следом приходит знакомое ощущение бодрости, без которой она не могла начать ни один отчетный период. Кофе пах дорого и терпко, и этот запах смешивался с ароматом офисной бумаги и чернил, создавая привычный коктейль, от которого у нее начинали работать мозги. Она поставила кружку на стол и, вытирая пальцы влажной салфеткой, заметила, как утренний свет падает на ее руки,

делая их почти прозрачными. "Пора работать", - сказала она себе вслух, потому что в кабинете кроме фикуса слушать было некому, и голос прозвучал неожиданно бодро.

Она села за компьютер и щелкнула мышкой, запуская почтовый клиент, который мгновенно загрузился и вывалил на экран тридцать семь непрочитанных писем, хотя прошло всего двенадцать часов с момента ее ухода. Запустила «одинэску», не глядя. На одной лишь мышечной памяти, набрав пароль. Принялась следом разбирать почту, и от этого занятия ее тонкие брови чуть сошлись к переносице, образуя едва заметную складку, и это стало единственным признаком напряжения на лице, которое в остальном сохраняло выражение невозмутимой деловой женщины. Одна прядь волос все же упала на лоб, и она механически убрала ее за ухо, открывая тонкий профиль и чуть вздернутый нос. Иногда, в такие моменты, Лена ловила себя на мысли, что ее внешность - это тоже часть работы, потому что люди охотнее доверяют аккуратным женщинам, и потому она всегда выглядела собранно, даже когда внутри была готова завывать от бесконечного стресса и дерготни. Она кликала по письмам одно за другим, и в этой механической работе было что-то медитативное, почти успокаивающее, как если бы разбирать чужие ошибки было ее личной медитацией. Но одно письмо выделялось среди прочих: в нем было простое, без подписи, сообщение с пометкой «Важное», и она задержала на нем курсор, чувствуя, как внутри просыпается неясное беспокойство, от которого кофе вдруг перестал казаться горячим.

Она открыла это письмо, и текст оказался коротким, без приветствий и обращений: «Срочно спустись в архивный подвал сегодня в обед. Там есть старые документы по объекту 13 - их надо проверить до конца недели, иначе будут проблемы с налоговой». Это было письмо от генерального директора, и Лена нахмурилась, перечитывая сообщение второй раз, потому что объект 13 был сдан и закрыт еще до ее прихода в компанию, восемь лет назад. Она откинулась на спинку кресла, сняла очки и протерла стекла краешком блузки, неосознанно повторяя этот жест, когда нужно было собраться с мыслями - без очков она выглядела моложе, почти хрупкой, но сейчас никто не видел ее лица, поэтому она позволила себе секунду слабости. Ей вдруг стало не по себе от этого письма, и она поймала себя на том, что ее левая рука, на которой болтался браслет, начала чуть подрагивать, как будто предупреждая о чем-то, что она не могла объяснить логически. Она сделала глоток остывшего кофе, поморщилась от горечи и сказала сама себе:

-Ну вот. Началось в колхозе утро.

Она поставила кружку на стол, и от резкого движения несколько капель выплеснулись на белую скатерть - темные пятна расплылись на ткани, как кляксы на чистом листе.

Дверь в кабинет распахнулась без стука. Как обычно, это пришли Оля и Света, единственные, кому Лена позволяла нарушать её утренний ритуал. Они впорхнули внутрь с двумя стаканчиками кофе из автомата в коридоре и запахом цветочного парфюма, которым всегда пользовалась Света - вечная оптимистка с ямочками на щеках.

-Лен, ты просто садовод года! - воскликнула Оля, присвистнув при виде огромного листа монстеры, который почти касался её плеча. -Ты с ними разговариваешь? Потому что если нет - они сами с тобой заговорят! Скоро эти джунгли поглотят весь офис.

Лена засмеялась, поправляя кашпо с замиокулькасом:

-Боюсь, тогда мне придётся отчитываться перед налоговой за каждое растение. Я ж их, как ты знаешь, выписывала... Впрочем, неважно. Главное, чтоб гендир не узнал.

Света бухнулась на стул рядом с Леной и щёлкнула мышкой, включая компьютер.

-Ай, забей ты на налоговую, лучше расскажи, как выходные? Мы с Олькой на дачу ездили. Представляешь, её Ромка решил построить беседку. Столбы вкопал - и пока за материалом ходил, они все попадали. И прямо на мангал! Неглубоко вкопал их, судя по всему.

Ольга закатила глаза:

-И чё? А твой Юрка куда смотрел? Мой не строитель и даже не ландшафтный дизайнер, как твой.

-Юрок ландшафтный дизайн разрабатывает, а не сооружает, - фыркнула Света. – Его максимум – в программке рендер наклепать. А у тебя, Лен, как дела? Твой Костя всё ещё звонит?

Лена вздохнула, поправляя очки:

-Нет, Свет. Не звонит. Сказал, что я слишком много работаю. Представляете, человек, который сам работает с утра до ночи, делает мне замечание. Мы вот не виделись пять дней, и он даже не спросил, как я.

Света махнула рукой:

-Ну и дурак. Ты у нас красивая, умная, начальница, ещё и джунгли выращиваешь. Кто он вообще такой, чтобы тебя игнорировать?

Оля подоdvинула к Лене конфету «Ласточка»:

-Плюнь на Костю. Мы лучше в пятницу в кино сходим, все вместе. Там новый фильм с тем актёром... Как его.... не помню... Ну, высокий такой, brutальный.

-Ага, я знаю, - оживилась Света. - Он такой... Бородатый ещё. Тоже не помню имя совсем...

Лена рассмеялась - легко, по-настоящему, откинувшись на спинку кресла:

-нет, мне бородатые не очень. Так и представляю, как у них в бороде крошки от еды застревают. И квашеная капуста. Не знаю почему, но представляю всегда капусту. Буээээ...

Они посмеялись ещё пару минут, перебрасываясь шутками про бородачей, начальников и отчётность, а затем разбрелись по своим местам.

Дверь снова открылась, и на пороге возник Валера - маркетолог, которого в офисе знали все, от уборщиц до гендиректора, и которому это знание, судя по его самодовольной улыбке, доставляло искреннее удовольствие. Он был из тех мужчин, которые появлялись в кабинете как будто со съёмочной площадки: идеально сидящий серый костюм, туфли из мягкой кожи, легкая небритость на скулах, которая должна была намекать на его «дикую натуру», но выглядела ухоженной и дорогой. Он окинул кабинет быстрым взглядом, задержался на листьях монстеры, присвистнул, а затем перевел глаза на Олю и Свету, которые тут же заулыбались, как по команде, и принялись поправлять волосы - каждая по-своему, но с одинаковым энтузиазмом.

-Боже, какой ужас, вы всё ещё сидите без меня, - сказал он, заходя в кабинет и поправляя галстук, хотя тот и так висел идеально. -А я тут всю ночь не спал, презентацию готовил. Да, вот так - создаю будущее компании. Но, - он сделал паузу и подмигнул Свете, - между нами, девчонки, вся деятельность нашего «монстра» держится конечно же на ваш, мои красавицы, на ваших хрупких плечиках. Особенно в день зарплаты, хах!

Света фыркнула в свой кофе, а Оля, покраснев, зачем-то начала перекладывать бумаги на столе, хотя те и так лежали аккуратно. Валера перевел взгляд на Лену и улыбнулся той самой улыбкой, которую она научилась распознавать за год работы в одной компании - наглой, но при этом до невозможности обаятельной, от которой у половины женского коллектива подкашивались колени. Он подошел к ее столу, облокотился на край, нависая над ней, и выдохнул:

-А Леночка у нас сегодня особенно хороша. Прямо как... Эмм... фикус, только с очками. Роскошные джунгли, только что лиан не хватает и секвой. Или что там растёт... Серьёзно, ты бы в ботанический сад перевелась, а не в бухгалтерию - была бы там королевой.

Лена даже не подняла головы от монитора:

-Валера, у тебя три минуты, пока я не нажала Ctrl+S и не встала. У тебя что-то по работе или просто с утра пораньше так от работы изнываешь, что уже перерыв нужен?

Он усмехнулся, но с места не сдвинулся и даже положил ладонь рядом с ее клавиатурой, так что его пальцы почти касались ее кисти, хотя она демонстративно отодвинула руку.

Леночка, ну ты что, я ж по-дружески заскочил. Выходные такие скучные были, без тебя. Ты же не отвечаешь на сообщения в общем чате - я уже думал, не заболела ли ты от переутомления. Прямо в окружении своих пальм, - сказал он с притворной печалью, положив руку на сердце, и Света засмеялась за соседним столом, прикрывая рот ладошкой.

-Во-первых, я не обязана отвечать на сообщения в нерабочее время, - отрезала Лена, поднимая глаза и встречаясь с ним взглядом поверх очков. -Во-вторых, я умерла бы от переутомления, если бы слушала твои презентации. Ты в прошлый раз на три часа заливал про синергию, хотя можно было сказать одной фразой: «Дайте мне денег». В-третьих, - она повернулась к монитору, давая понять, что разговор окончен, -будь добр, уйди с моего места, ты заслоняешь свет. Мои орхидеи любят свет.

Оля хихикнула и шепнула Свете: "Ну, опять", - но Света только закатила глаза и уткнулась в телефон, делая вид, что ее это не касается. Валера, однако, не сдавался: он отступил на полшага, но продолжил стоять, поигрывая карабином на брелоке ключей, который висел у него на поясе, и улыбка на его лице стала чуть наглее.

-Леночка, какая ты жесткая. Как гранит. Я люблю в женщинах характер. Хотя вот, - он кивнул на кашпо с орхидеей, -эти фиалки, например, очень нежные. И ты, судя по твоим цветам, тоже где-то там, внутри, цветочек. Только прячешь его за этой офисной броней, да?

Лена повернулась к нему, сняла очки и посмотрела так, что даже Оля перестала дышать:

-Валера, я сейчас полью тебя водой. Вместо фикуса. А будешь продолжать – найду кашпо поглубже и посажу тебя туда, поставлю на подоконник и... И... Не буду обрабатывать от паутинного клеща!

Валера хмыкнул, почесал затылок, но не обиделся - он был слишком самовлюбленным, чтобы позволить чужому сарказму испортить себе день, и к тому же его мама говорила ему, что он неотразим, и он верил в это всем своим существом. Он поднял руки в жесте капитуляции:

-Понял, понял, моя королева джунглей. Ты непобедима. Но когда надумаешь сбежать из этого офиса в реальный мир, ты знаешь, где мой кабинет. Я тебя приучу. С вайфаем, кофе и без налоговой.

Он развернулся и, кинув прощальный взгляд на Свету, подмигнул ей снова, а затем скрылся за дверью, оставив после себя запах парфюма, который Лена ненавидела всей душой - слишком приторный, такой же, как его улыбка.

Лена выдохнула, провела рукой по волосам и повернулась к Оле:

-Оль, обещай мне, когда станешь директором, уволишь его первым.

Та засмеялась:

-Не, его не так просто уволить, он же продаёт как никто. Но отшиваешь ты его отлично. Я бы на твоём месте давно сдалась, он же красавчик.

Лена покачала головой:

-Красавчик, который считает, что его улыбка - это главный актив компании. Мне до фонаря его улыбка. Вот мои парни, - она погладила лист монстеры, - они хотя бы не приходят без спроса и не обсуждают мою личную жизнь. Света подняла голову от телефона:

-Лен, ну хоть раз могла бы дать ему шанс? Он же весь офис обхаживает, а ты - главная цель. Лена натянуто улыбнулась:

-Света, если я соглашусь на свидание с Валерой, я потеряю уважение к себе. А главное - он начнет ходить еще чаще. А мне еще налоговую пережить надо. Она открыла вкладку с новыми письмами и решительно нажала "Прочитать", отсекая все шутки и взгляды, потому что фикус, маркетолог и подруги - всё это было суетой, которая не имела значения перед тем, что лежало впереди, за серой дверью архивного подвала, куда ей предстояло тащиться.

Обед приближался медленно, как будто время специально растягивало каждую минуту, чтобы проверить Лену на прочность, и она уже дважды пересчитала одну и ту же ведомость, потому что цифры начали сливаться перед глазами от голода. Она машинально погладила

живот, который предательски заурчал прямо посреди телефонного разговора с главным инженером, и тот на секунду замолчал, удивленный таким неформальным звуком из трубки. Оля уже успела сходить в столовую и вернулась с контейнером салата, который источал запах огурцов и зелени, и Лена поймала себя на том, что смотрит на этот контейнер с неприличной тоской, хотя обычно презирала офисную еду. Света жевала яблоко, громко хрустя на весь кабинет, и Лена готова была запульнуть в нее карандашом, только чтобы перестать слушать этот дразнящий звук. Она сделала глоток уже остывшего кофе и скривилась, потому что единственное, чего ей сейчас хотелось по-настоящему - это огромный бургер с сыром и картошкой, но до обеда оставалось еще сорок минут, и она мысленно приказала своему желудку заткнуться.

Дверь распахнулась снова, и на пороге материализовался Валера, который, кажется, ждал именно этого момента, потому что его улыбка была еще шире, чем в прошлый раз, а в руках он держал не папку с документами, а свой телефон, который крутил между пальцами, как зажигалку. Он снова окинул кабинет взглядом, задержался на Оле с ее салатом, на Свете с яблоком и, наконец, остановился на Лене, которая смотрела на него с таким выражением, словно уже знала, что сейчас произойдет что-то, за что его захочется ударить.

-Леночка, я тут подумал, - начал он, облакачиваясь на ее стол с той же наглой грацией, с какой делал это уже сотни раз, - ты же, наверное, голодная, да? Я знаю одно место в десяти минутах от офиса. Там, говорят, такие баварские колбаски подают, просто пальчики оближешь. Он сделал паузу и наклонился чуть ближе, понижая голос до интимного полупшепота, который, как он считал, действовал на всех женщин безотказно:

-Я бы сказал, это лучшая горячая колбаска, которую ты пробовала в своей жизни. Тебе точно надо сходить со мной, если хочешь попробовать отличную, сочную... колбаску.

Света поперхнулась яблоком, и Лена услышала, как Оля сдавленно охнула за спиной, пытаясь сделать вид, что очень занята своим салатом. Лена медленно повернулась к Валере, и на ее лице не дрогнул ни один мускул, но внутри у нее закипела злость такая, что она почувствовала, как ее ладони становятся горячими, а сердце начинает биться быстрее, как перед прыжком в ледяную воду. Она поднялась из-за стола - медленно, плавно, как натянутая тетива лука, и в этот момент в ней вдруг проявилось что-то, что заставило Валеру сделать полшага назад, хотя он и пытался сохранить самоуверенную позу. Ее плечи распрямились, глаза за очками сузились, а во всем ее облике возникла такая ледяная и одновременно огненная сила, что даже Света перестала жевать и вытаращилась на неё, впервые увидев подругу такой. Она была похожа на воительницу из древних саг - не грозную, а именно воительницу, чей гнев был праведным и холодным, как клинок, и эта перемена произошла так внезапно, что Валера сглотнул, хотя, кажется, до сих пор не понимал, что натворил.

Лена медленно, с хищной грацией, взяла со стола пульверизатор, которым обычно опрыскивала листья своих растений, и повернула его к Валеру, целясь прямо в его идеально уложенную прическу, от которой пахло тем самым парфюмом, который она ненавидела всей душой.

-Валера, - произнесла она, и голос её звучал ровно, но в нем звенел металл, -ты, кажется, перепутал мой кабинет с «капельницей» за углом. Или ты думаешь, что я поведу на твои гнусные намеки, как какая-нибудь из твоих подружек?. Она нажала на спусковой крючок, и струя воды с легким шипением ударила прямо в его лоб, разбрызгиваясь по лицу и стекая на белоснежную рубашку, оставляя мокрые разводы на ткани. Валера вскрикнул, отшатнулся, но Лена сделала шаг вперед и продолжила опрыскивать его с такой сосредоточенной злостью, как будто он был вредным растением, которое поразила тля: сначала лоб, потом щеки, потом галстук, и делала она это с каким-то благородным спокойствием, которое только усиливало эффект. Ее движения были точными и быстрыми, она напоминала валькирию, карающую недостойного воина за дерзость, и в этот момент она чувствовала себя не бухгалтером Леной, а кем-то более древним и сильным, кто не позволит себя унижить даже в шутку.

Валера, мокрый, с торчащими в разные стороны волосами, с растерянным видом, который полностью стер с его лица все следы самоуверенности, попытался вытереть лицо рукавом, но лишь размазал воду по щекам.

-Ты что, с ума сошла?! - пробормотал он, пятась к двери и спотыкаясь о край ковра, но в его голосе не было злости - только смятение и неподдельный ужас. - Это же... это же Армани! Ты испортила мне костюм! Я на собрание через час, как же я...

Он смотрел на свою влажную рубашку, на галстук, который теперь потемнел от воды, и, кажется, только сейчас понял, что проиграл эту битву окончательно и бесповоротно. Лена стояла с пульверизатором в руке, даже не опуская его, и в глазах её разгорался настоящий пожар.

-А теперь проваливай из моего кабинета, пока я не долила туда удобрение. И запомни: если ты еще раз скажешь мне про колбаски, я вылью тебе на голову целую бутылку удобрений, и ты станешь самым ухоженным маркетологом в этой компании". Она сделала шаг вперед, и Валера вылетел за дверь, как пробка из бутылки, оставив за собой мокрый след на полу и полную тишину в кабинете.

Как только дверь захлопнулась, Оля и Света взорвались хохотом, и их смех был таким громким, что, наверное, его было слышно на всём этаже. Оля согнулась пополам, вытирая слезы и повторяя:

-Она его... она его полила! Как цветок! Я никогда в жизни не видела ничего смешнее!

Света упала на стул, прижимая руки к животу и пытаясь сделать вдох между приступами смеха. Лена наконец опустила пульверизатор, поставила его на стол и посмотрела на дверь с чувством глубокого удовлетворения, которое было сильнее любого обеда в мире. Она перевела взгляд на своих подруг и, не сдержавшись, улыбнулась той самой легкой улыбкой, которая появлялась на её лице только когда она делала что-то по-настоящему правильное:

-Ну что, девчонки, пора обедать. Я просто умираю с голоду. И, Оля, заклинаю, не проноси при мне с этих пор «баварская колбаска», а то я полью и тебя.

Они расхохотались снова, и через пять минут, взяв сумки и оставив джунгли в покое, они уже выходили из офиса, но Лена всё еще чувствовала приятную дрожь в руках - как после тренировки или после того, как ты наконец высказал всё, что накопилось, и это было прекрасно.

Обед уже маячил на горизонте, и Лена с каждой минутой чувствовала, как голод становится всё более настойчивым, но перед тем, как уйти с Олей и Светой, она всё же решила спуститься в архив, потому что загадочное письмо про объект 13 сверлило ей мозг с самого утра. Она сказала подругам:

-Я на пять минут, до архива добегу всё же, - и те лишь махнули руками, увлечённые обсуждением нового ресторана, в который они собирались пойти, и Лена почти пожалела, что не пошла с ними сразу, потому что в подвале было сыро, холодно и пахло затхлой бумагой. Она спустилась по узкой лестнице, держась за ржавые перила, и оказалась в помещении, которое больше напоминало старую кладовку, чем архив: стеллажи с пожелтевшими папками, облезлые стены, тусклая лампочка, которая моргала, как будто вот-вот перегорит. Она прошла между рядами, ища хоть какие-то следы объекта 13, но не нашла ничего, кроме накопившейся за десятилетия пыли, которая поднималась при каждом шаге и оседала на одежде противным серым налётом.

В самом дальнем углу, почти у стены, она заметила что-то, что никак не вписывалось в этот унылый антураж. Большое, выше самой Лены, старинное зеркало в массивной деревянной раме, покрытой резьбой, которая изображала каких-то странных существ с копытами и рогами. Оно стояло прямо на полу, прислонённое к стеллажу, и было настолько покрыто толстым слоем пыли, что поначалу Лена даже не поняла, что это зеркало - просто тёмное пятно в углу, но когда она подошла ближе, то разглядела тусклый отблеск стекла, проступающий сквозь грязь. Дыхание перехватило от красоты резьбы, которую скрывала пыль. Лена провела пальцем по

раме, стирая тонкую дорожку, и под пальцами показались причудливые линии - листья, виноградные лозы, какие-то завитки, в которых угадывались лица с закрытыми глазами, и от этого изображения у неё по спине пробежал холодок, хотя она старалась не обращать внимания на странное чувство, что за ней кто-то наблюдает.

-Какая красивая вещь, - прошептала она, и голос в пустом подвале прозвучал глухо, как будто его тут же проглотила каменная кладка. -Кто же её сюда поставил? И откуда... И зачем... Интересно, она числится на балансе? Инвентарника не видно... Может, гендир приволок сюда что-то своё. Использует архив как личный склад!

Она оглянулась вокруг, но в архиве по-прежнему никого не было - только стеллажи с бумагами, лампочка, моргающая в такт её сердцебиению, и полная тишина, нарушаемая лишь её собственным дыханием.

Девушка наклонилась, дунула на поверхность зеркала, пытаясь сдуть хотя бы часть пыли, но облако поднялось в воздух, осело на лицо, и она чихнула, а зеркало осталось почти таким же мутным, как было, лишь небольшой участок в центре чуть прояснился, но этого было недостаточно, чтобы увидеть хоть что-то, кроме смутных силуэтов. Она раздражённо выпрямилась и, недолго думая, провела по стеклу ладонью - сначала одним движением, потом вторым, но уже зигзагообразно, как рисуют молнию, потому что первое движение почти ничего не дало. Она хотела просто протереть его, чтобы увидеть своё отражение, но в тот момент, когда её пальцы коснулись стекла зигзагом, она почувствовала лёгкий электрический разряд, который пробежал по руке до самого локтя, и тут же изображение в зеркале начало меняться прямо у неё на глазах - сначала медленно, будто сквозь туман, а потом резко и быстро. Пыль исчезла сама собой, и вместо её собственного отражения она увидела большое каменное помещение, освещённое факелами, которые горели на стенах ровным, мерцающим пламенем, и тени от них плясали на грубых каменных стенах, создавая причудливые узоры, от которых захватывало дух.

Лена отшатнулась на шаг, прижав ладонь к груди, потому что сердце забилося так сильно, что она услышала его гул в ушах, и ей показалось, что она сейчас упадёт в обморок от того, что видела - это было не зеркало, это был словно портал, смешно сказать - окно в другой мир, который существовал где-то там, за этим стеклом, и он был живым. Она увидела длинный дубовый стол, за которым могло сидеть человек двадцать, и на нём стояли массивные кружки и медные тарелки, а в углу пылал огромный камин, в котором горели поленья, и она почти почувствовала запах дыма и горячей смолы, как будто дверь в этот мир была открыта. Она перевела взгляд на стены - они были грубо обтёсанными, с выступающими булыжниками, между которых кое-где торчали факелы, и по полу, каменному и неровному, кто-то явно ходил, потому что она заметила грязные следы, ведущие вглубь, за пределы видимости. Она снова провела рукой по стеклу, на этот раз осторожно, едва касаясь, но изображение не исчезло, но оставалось чётким и ясным, как будто звало туда, хотя разум кричал ей, что этого не может быть, что это галлюцинация или какой-то оптический эффект, и девушка зажмурилась, считая до трёх, чтобы успокоиться.

Она открыла глаза. Каменный подвал с факелами и камином никуда не исчез, и теперь она заметила, что на столе стоит какая-то книга, раскрытая посередине, и страницы в ней шевелятся, как будто их перелистывает невидимая рука, и от этого зрелища у неё мурашки побежали по спине, смешиваясь с холодом, который струился из этого мира прямо в её лицо. Лена услышала, как с той стороны доносится приглушённый шум - будто голоса, но далёкие, неразборчивые, и в них угадывался смех, похожий на раскатистый рокот камней, падающих с горы, и она вдруг поняла, что боится не самого зеркала, а того, что это зеркало может сделать с ней, если она продолжит смотреть. Она сделала шаг назад, потом второй, но зеркало как будто потянулось к ней - и в этот момент она заметила, что на её ладони, которой она провела по стеклу, остался след: не пыль, не грязь, а что-то похожее на едва заметное свечение, голубо-

ватое и мерцающее, которое через пару секунд исчезло, оставив только воспоминание о покалывании. Девушка перевела взгляд на зеркало - оно снова стало обычным, тёмным и мутным, как будто ничего и не было, и только лёгкое ощущение жжения на коже говорило ей, что она не сошла с ума.

Лена отшатнулась от зеркала, прижимая дрожащую ладонь к груди, и сердце колотилось так сильно, что она слышала его гул в висках, заглушающий даже собственные мысли. Моргнула, потом ещё раз, но изображение каменного зала с факелами и камином никуда не исчезало - оно оставалось таким же чётким и живым, как будто она смотрела не в зеркало, а в огромное окно, за которым простирался совершенно другой мир. Она провела рукой по лицу, стирая холодный пот, и попыталась успокоить дыхание, но лёгкие сжимались от странного чувства, что она сейчас либо сошла с ума, либо впервые в жизни увидела нечто, что выходило за пределы её понимания. девушка подошла ближе, медленно, как к дикому зверю, протянула дрожащую ладонь и коснулась поверхности зеркала кончиками пальцев - они прошли сквозь стекло, как сквозь воду, не встретив никакого сопротивления, и она почувствовала тепло, исходящее из того мира, тёплый воздух, который пах дымом и сухим камнем. Лена отдернула руку, вскрикнув от неожиданности, и уставилась на свои пальцы, которые были совершенно сухими и чистыми, как будто она ничего не трогала, но кончики всё ещё покалывало от того странного тепла, которое осталось на коже. Лена снова посмотрела на зеркало, снова протянула руку и просунула её по запястью - и снова не встретила препятствия, только воздух, который был суше и теплее, чем в сыром подвале, и это было так реально, что у неё закружилась голова.

Она замерла, не зная, что делать, потому что разум кричал ей отойти, закрыть дверь и забыть это как страшный сон, но внутри, в самой глубине, разгоралось любопытство, которое было сильнее страха, и оно толкало её вперёд, как в детстве, когда она заглядывала в тёмные комнаты, хотя боялась. Она наклонилась вперёд, опираясь рукой о раму зеркала, и заглянула в этот каменный зал уже с головой, пытаясь разглядеть, что находится дальше, за пределами видимого - может быть, это просто какая-то часть старого здания, скрытая за стеной, которую она никогда не видела, и зеркало было просто проходом, замаскированным под древнюю вещь. Она вытянула шею, её плечи уже были по ту сторону стекла, и она чувствовала, как тёплый воздух касается её лица, развевая волосы, которые выбились из пучка, и это ощущение было настолько приятным, что она почти забыла о том, что стоит в пыльном подвале с тусклой лампочкой, которая моргает у неё за спиной.

-Так, ладно, сейчас я просто посмотрю ещё немного, и всё, - и сделала ещё один шаг, почти полностью переступив невидимую границу, но в тот момент, когда она перенесла вес тела на переднюю ногу, носок её туфли зацепился за нижнюю часть рамы, которая оказалась выше, чем она думала, и она потеряла равновесие. Лена взмахнула руками, пытаясь ухватиться за что-то, но пальцы схватили лишь пустоту, и она полетела вперёд, не в силах остановить падение, чувствуя, как земля уходит из-под ног, и в ушах шумит ветер, который уже не был ветром подвала, а был тёплым и сухим ветром каменного зала, в который она влетела всем телом.

Падение было резким, но коротким. Нелепо ойкнув, она упала на каменный пол, больно ударившись коленями и ладонями, и на мгновение перед глазами потемнело от шока и боли, смешанных с неверием в то, что только что произошло. Лена подняла голову, пытаясь понять, где она, и увидела всё тот же каменный зал с факелами на стенах, дубовый стол и камин в углу, который теперь горел в полную силу, бросая оранжевые отблески на грубые стены. Всё это было теперь вокруг неё - не в зеркале, а в реальности, по которой она могла провести рукой. Она услышала за спиной звон и скрежет, и резко обернулась - всё, что она успела увидеть, как зеркало, через которое она только что прошла, летело на пол. Громкий удар, шум осколков... И на этом всё. Изображение с этой стороны превратилось в обычное отражение. Никаких стен её архива. Она подползла на коленях к этому месту, ощущая, как каменный пол холодит ноги

через тонкие чулки, и провела пальцами по стеклу, надеясь, что этот странный портал еще работает, и она сможет беспрепятственно вернуться к себе в архив. Она попробовала прикоснуться к самой стене, туда, где раньше было зеркало, но пальцы упёрлись в камень, холодный и неподатливый, и она поняла, что хода назад нет - зеркало, которое перенесло её сюда, было разбито, и она была заперта в этом странном помещении, о котором не знала ровным счётом ничего.

Лена поднялась на ноги, отряхивая платье, которое теперь было испачкано пылью и мелкой каменной крошкой, и огляделась вокруг, пытаясь осознать своё положение, но всё, что она могла делать - это дышать, и каждый вдох был наполнен запахом дыма и какого-то пряного дерева, которое горело в камине. Этот запах был одновременно чужим и странно приятательным. В зале, кроме неё, никого не было. Факелы горели ровно, камин трещал, а на столе стояла та самая раскрытая книга, которую она видела из зеркала, и страницы её больше не шевелились, как будто ждали, что кто-то подойдёт и прочитает их. Она провела рукой по волосам, понимая, что её пучок совсем растрепался, и волосы теперь падали на плечи спутанными рыжими прядями, но ей было уже всё равно, потому что она была здесь, в этом странном месте, и это было реальнее, чем её утренний кофе и крики прорабов, которые остались в том мире, куда она уже не могла вернуться. Она сделала несколько шагов к камину, потому что он был самым тёплым и безопасным местом в этом зале, и остановилась перед ним, глядя, как пламя лижет поленья, и в его свете она увидела своё отражение в полированном металле каминной решётки - бледное, испуганное, но в глазах горел тот самый азарт, который всегда появлялся у неё, когда она решала сложную бухгалтерскую задачу. Она подумала: "Ну что, Лена, ты всегда хотела приключений». И усмехнулась, хотя в этой усмешке не было и тени веселья, только горькая ирония.

Лена ещё раз обернулась на то место, где лежали осколки разбитого зеркала, но вместо него была только глухая стена, ровная и серая, и, похоже, единственным выходом из этого зала была тяжёлая деревянная дверь, которая виднелась в углу, приоткрытая и манящая в неизвестность, и она поняла, что выбора у неё нет - идти туда, куда ведёт эта дверь. По крайней мере сидеть на холодном полу было совершенно неразумно.

Взяв себя в руки, лена встала, поправила очки и со всей отвагой, какую смогла отыскать в себе, направилась вперёд.

Глава 2

Глава 2

Лена поднялась на ноги, отряхивая пыль с колен, и огляделась, пытаясь понять, где она находится, но единственное, что она могла сказать с уверенностью, - это то, что она больше не в архиве и не в своём офисе, где пахло бумагой и кофе, потому что здесь пахло дымом, сырым камнем и чем-то пряным, напоминающим сгоревшее дерево и старое железо. Она вытерла ладони о юбку, чувствуя, как мелкая каменная крошка впивается в кожу, и сделала несколько шагов вперёд, но сразу же остановилась, потому что коридор, в котором она оказалась, был узким и низким - потолок находился так близко, что она могла бы дотянуться до него рукой, если бы вытянулась на цыпочках. Стены были сложены из грубого, неровного камня, кое-где влажного, с выступающими булыжниками, за которые можно было зацепиться одеждой, а вдоль стен через равные промежутки висели факелы, которые горели ровным жёлтым пламенем, не коптели и не гасли, как будто их только что зажгли, хотя вокруг никого не было. Она провела пальцами по одной из стен, и камень оказался холодным и шершавым, с мелкими вкраплениями, которые блестели в свете факелов, и этот блеск был похож на слюду или на мелкие кристаллы, которые она видела когда-то в школьном учебнике по геологии. "Это не сон, - сказала она вслух, и голос её прозвучал глухо, почти без эха, потому что низкий потолок приглушал звук, заставляя его возвращаться обратно, как будто стены не хотели её слушать. - Это точно не сон". Лена проверила пульс на запястье - быстрый и неровный, и каждый удар отдавался в висках, но она была жива, и это означало, что всё происходящее было реальным, каким бы невероятным оно ни казалось.

Лена пошла вдоль коридора, и шаги её гулко разносились по каменному проходу, смешиваясь с треском факелов, который сопровождал её на каждом шагу, но она не знала, куда идти, потому что коридор извивался, уходил влево, потом вправо, и иногда раздваивался на узкие проходы, которые вели в ещё более тёмные и низкие помещения. Ей было одновременно страшно и жутко интересно, как в детстве, когда она залезала в заброшенные сараи и находила старые вещи, оставленные прежними жильцами, - это чувство смешалось с холодом, который пронизывал её до костей, потому что здесь было сыро и прохладно, как в погребке, но от волнения у неё горели щёки, и под одеждой выступил пот, который тут же остывал от каменного воздуха. Лена то и дело останавливалась, прислушивалась, но слышала только своё собственное дыхание и иногда - далёкую каплю где-то в глубине этих катакомб, и этот звук напоминал ей о том, что она находится под землёй, где-то там, где не бывает солнца и где время течёт иначе. Она поправила очки, которые всё ещё держались на носу, хотя она и не знала, как им это удалось после падения, и провела рукой по своим спутанным волосам, которые теперь лезли в лицо и мешали смотреть, но она была слишком сосредоточена на том, чтобы не сбиться с пути, чтобы заниматься причёской. Лена почти привыкла к тому, что вокруг только камень и факелы, когда вдали, где-то за поворотом, она услышала приглушённый звук. Это были несколько голосов, которые говорили на низких, раскатистых тонах, то и дело прерываясь хриплым смехом, от которого у неё по спине пробежали мурашки.

Она ускорила шаг, почти побежала, ориентируясь на этот шум, который становился всё громче и отчётливее с каждым её движением, и голоса теперь уже не были просто гулом, а превращались в отдельные слова, хотя она не могла разобрать ни одного из них, потому что язык был незнакомым, гортанным и грубым, как будто говорящие перекачивали камни во рту. Лена завернула за угол и увидела дверь - тяжёлую, дубовую, окованную железными полосами, которые были покрыты каким-то узором, напоминающим переплетённые ветви или змеиные тела, и из-за этой двери доносились голоса и звон кружек, которые сталкивались друг с другом с металлическим звоном. Она толкнула дверь ладонью, и та поддалась неожиданно легко, с

тихим скрипом, открывая перед ней большое помещение, которое освещалось не только факелами, но и камином, горевшим в дальнем углу, и она на мгновение замерла на пороге, разглядывая то, что её ждало. За длинным дубовым столом, заваленным объедками и пустыми глиняными кружками, сидели трое мужчин - низких, коренастых, с плечами, которые казались шире, чем дверной проём, и с такими длинными и густыми бородами, что они почти закрывали их груди, украшенные кожаными жилетами и металлическими застёжками. Они пили пиво из огромных кружек, которые держали двумя руками, и смеялись - смех их был низким и раскатистым, как грохот камней, падающих с горы, и они были настолько поглощены своим застольем, что сначала даже не заметили Лену, которая стояла в дверях и смотрела на них с изумлением, смешанным с ужасом.

Лена не знала, что делать. То ли тихо закрыть дверь и уйти, то ли позвать их на помощь, потому что они выглядели внушительно, почти как персонажи из её снов, и она поняла, что всё это не ошибка и не галлюцинация: она попала в мир, где такие существа были реальными, и они пили пиво и смеялись так же обыденно, как её коллеги в обеденный перерыв. Она сделала шаг вперёд, и половица под её ногой издала протяжный скрип, который прозвучал в тишине после их смеха, но никто из троих не обернулся, и она повторила движение, уже более уверенно, ступая на каменный пол, который был усыпан сухой травой и мелкими стружками, хрустящими под её туфлями. Лена кашлянула, чтобы привлечь внимание, но голос застрял у неё в горле, и ей пришлось прочистить его снова, прежде чем она выдавила из себя:

-Простите, - но голос её прозвучал слишком тихо, почти как писк, и она набрала в грудь побольше воздуха и произнесла уже громче и будничнее, стараясь казаться спокойной, хотя внутри всё тряслось:

-Здравствуйте. Вы не подскажете, я где нахожусь и как мне отсюда выбраться?"

Она не знала, что ответят эти бородатые мужички, но она была готова к тому, что они либо не поймут её, либо, наоборот, заговорят на её языке с сильным акцентом, и она старалась улыбнуться, чтобы выглядеть дружелюбно, но улыбка получилась натянутой и неестественной, похожей на гримасу страха. Мужчины за столом обернулись синхронно, как по команде, и в их движениях не было спешки - они плавно, почти зловеще повернули головы, и шесть глаз уставились на неё с выражением, которое невозможно было спутать ни с чем: это был полный, абсолютное недоумение, смешанное с неверием, как будто перед ними материализовался призрак или, по крайней мере, существо, которое не могло появиться в этом мире по определению. Тот, кто сидел ближе всех, опустил свою кружку на стол с глухим стуком, и его челюсть медленно отвисла, открыв грязноватые зубы, а глаза округлились до такой степени, что стали похожи на две мелкие монеты, заблестевшие в свете камина. Второй, сидевший слева, перевёл взгляд на первого, потом на третьего, и все трое как будто бы вели безмолвный диалог, в котором не было слов, но было полное и безоговорочное замешательство, которое через пару секунд сменилось чем-то другим. И это другое было страшнее, чем их удивление.

Они вскочили с мест одновременно, как будто их подбросила пружина, и стулья с грохотом отлетели назад, ударившись о каменную стену, и Лена услышала, как один из них - широкий детина с рыжей бородой, в которой запутались крошки - выкрикнул что-то на том самом гортанном языке, который она слышала из-за двери, и в этом крике не было ни удивления, ни приветствия, а только гнев и готовность к действию. Она не поняла, что произошло дальше, потому что всё случилось слишком быстро: все трое метнулись к стене, где на крюках висели топоры с широкими лезвиями, блестящими в свете камина, и в следующее мгновение они уже стояли перед ней с оружием в руках, перекрывая единственный выход - дверь, через которую она только что вошла, и Лена поняла, что попала в ловушку, хотя и не понимала, за что они собираются её убить. Она сделала шаг назад, прижимаясь спиной к холодной стене, и подняла руки перед собой, как это показывают в фильмах, когда пытаются остановить нападающего, но её ладони дрожали, и голос, который должен был что-то сказать, не выходил из

горла, застряв где-то между страхом и полным непониманием происходящего. И в тот момент, когда рыжебородый сделал шаг вперёд и занёс топор над головой, Лена поняла, что это не сон, не шутка и не ошибка - это её смерть, которая почему-то пришла не в виде сердечного приступа, а в виде трёх бородатых гномов с топорами, и она зажмурилась, ожидая самого худшего.

Она отпрянула назад, врезавшись лопатками в холодную каменную стену, и на мгновение ей показалось, что сейчас лезвие топора опустится ей на голову и всё закончится, но вместо этого её тело вдруг сотрясла судорога, которая вырвалась из самого живота, и она поняла, что смеётся. Это был не обычный смех, не тот, которым смеются над шуткой или над удачной остроумностью, а истерический, болезненный хохот, который вырывался помимо её воли, сотрясая плечи и заставляя слёзы выступать на глазах, хотя она совершенно не находила в этой ситуации ничего смешного. Она пыталась остановиться, зажать рот ладонью, но это не помогало - хохот вырывался наружу, хриплый и безумный, и она слышала его собственные звуки, которые разносились по каменному залу, но не могла поверить, что это звучит из неё самой. Она скользнула вниз по стене, приседая на корточки, обхватила себя руками, но смех всё продолжался, выжигая лёгкие, заставляя её плечи вздрагивать, и она подняла глаза на троих карликов с топорами, которые застыли перед ней с ошарашенными лицами, как будто она была тем безумным существом, которое они никогда не встречали в своих подземельях. Они были такими маленькими, эти мужички с топорами, которые едва доставали ей до плеча, и в их огромных руках оружие выглядело почти игрушечным, хотя она знала, что оно настоящее, но её мозг отказывался воспринимать это как реальную угрозу, и смех становился всё громче, перерастая в почти рыдание, в котором страх и шок смешались в один безумный коктейль.

Она слышала, как один из них, рыжебородый, выругался на своём языке и сделал шаг назад, опуская топор, как будто она была не врагом, а сумасшедшей, которую боялись тронуть, и она поймала себя на мысли, что это даже смешнее, чем если бы они просто убили её.

-Что это, нахрен, за дылда? - спросил один из них, тот, что был слева, с чёрной бородой, заплетённой в косичку, и голос его звучал растерянно, почти обиженно, как у ребёнка, которому испортили игрушку. Второй, с сединой в бороде, опустил топор и наклонил голову, рассматривая Лену с таким выражением, как будто она была необычным насекомым, которое надо изучить, прежде чем раздавить, и проворчал:

-Смотри какая длинная, точно эльфийская шлюха. Грязная, растрёпанная, а ржёт как бешеная. Все эти эльфы бесноватые!

Первый, рыжий, сплюнул на пол и снова поднял топор, но в его глазах уже не было той уверенности, что в первый раз. Он явно не знал, что делать с этой странной плачуще-смеющейся женщиной, которая вела себя не так, как должен вести себя враг, попавший в ловушку.

Они начали переговариваться между собой на своём языке, который она не понимала, но в их тоне угадывалось смятение и некоторая растерянность, которая, возможно, была для них унижительной, потому что они всё ещё не решались нападать. Рыжий, который явно был главным, сделал шаг вперёд, и топор в его руке снова оказался выше её головы, хотя она всё ещё сжималась в комок у стены, пытаясь остановить свой смех, который уже начал стихать, оставляя только ощущение пустоты и холодной дрожи.

-Эй, ты! - заорал он на своём языке, но потом, словно поняв, что она его не понимает, перешёл на чистый русский:

-Ты! Эльфийская шалава! Почему ржёшь? Заткнись!

И это "заткнись" прозвучало так смешно, так нелепо в устах этого маленького бородатого человека с топором, что Лена снова попыталась сдержать смех, но только закашлялась, потому что в горле пересохло, и из её глаз всё ещё катились слёзы от истерики, которая уже почти утихла.

Двое других переглянулись, и чёрный, с косичкой, спросил у рыжего, явно не понимая, что происходит:

-Она чего, трёхнутая? Или проклятая? Может, её заколдовали? С какой стати она тут оказалась, и откуда взялась?

Рыжий, не сводя глаз с Лены, прорычал что-то в ответ, но она не поняла ни слова, и ей показалось, что они забыли о ней на мгновение, споря между собой, и это был её шанс, но она не могла им воспользоваться, потому что её ноги не слушались, а руки всё ещё дрожали от пережитого шока. Она кое-как поднялась на ноги, опершись рукой о стену, и провела ладонью по лицу, стирая слёзы, и попыталась взять себя в руки, понимая, что нужно что-то сказать, чтобы разрядить ситуацию, но слова никак не шли с языка, и она просто стояла и смотрела на них, чувствуя себя нелепой и одновременно бесконечно чужой в этом каменном зале. Она перевела взгляд на топоры, которые всё ещё блестели в свете камина, и на их лица, на которых застыла смесь страха, удивления и агрессии, и внутри неё что-то щёлкнуло - смех почти утих, но вместо него пришло чувство абсурдности происходящего, которое граничило с отчаянием, и она поняла, что если не заговорит сейчас, её просто убьют, потому что эти коротышки не знают, что ещё делать.

Рыжий снова взмахнул топором, подойдя ближе, и в его голосе теперь слышалась угроза, которая не оставляла сомнений в том, что он настроен серьёзно, и он громко, разделяя каждое слово, чтобы она точно поняла, произнёс:

-Эй, ты! А ну, хватит ржать, сейчас же! Говори, кто ты, - он ткнул топором в её сторону, но не касаясь, - и как ты тут очутилась!

Он перевёл дыхание и сделал шаг ещё ближе, так что она видела каждую морщину на его лице и капли пива, застрявшие в усах, и он повторил, уже почти крича, тыча в неё пальцем:

-Как, я спрашиваю, ты тут очутилась, эльфийская шлюха? Откуда ты взялась? Говори!

Его голос эхом разлетелся по каменному залу, и в нём было столько злобы и одновременно непонимания, что Лена на мгновение забыла, что ей страшно, и её захлестнула волна совершенно неуместного возмущения, от которого она распрямила плечи и посмотрела прямо в его глаза, хотя внутри всё сжималось от ужаса. Она выдохнула, сглотнула и, заставив себя говорить ровно, хотя голос всё ещё прерывался от остаточного хохота, который дрожал в её горле, произнесла:

-Я не знаю, как я здесь очутилась. Я упала через зеркало в архиве, - и её голос дрогнул на последних словах, потому что это звучало безумно даже для неё самой. -И я не эль... не эльфийская шлюха. Я бухгалтер.

Она увидела, как рыжий на мгновение замер, переваривая её слова, и в его глазах мелькнуло замешательство, которое было даже смешнее предыдущего, но она уже не смеялась - она просто стояла и ждала, понимая, что только что произнесла самую абсурдную фразу в своей жизни, и теперь оставалось надеяться, что это спасёт её от топора.

Они переглянулись - рыжий, чёрный и седой - и в их взглядах мелькнуло что-то, что Лена не могла прочитать: то ли удивление, то ли насмешка, то ли обе. Рыжий опустил топор, хотя всё ещё держал его в руке, и обернулся к своим товарищам, которые смотрели на него с явным ожиданием, будто он был главным и должен был решить, что делать с этой странной дылдой, которая называет себя бухгалтером. Чёрный прыснул, прикрывая рот ладонью, и его плечи начали трястись, как будто он с трудом сдерживал смех, который уже подступал к горлу, и он выдавил из себя:

-Бухалтер? Слышите, она говорит, что она бухгалтер! - и его голос сорвался на хриплый смех, который подхватил седой, и в следующую секунду все трое заржали так громко, что эхо разнеслось по всему каменному залу. Рыжий согнулся пополам, хлопнув себя по колену, и его топор теперь болтался в опущенной руке, совершенно безопасный, хотя он всё ещё не выпускал его из виду.

-Неее, Ты не похожа на бухгалтера, - выдавил он сквозь смех, вытирая выступившие слёзы, -Такая долговязая и худая, как жердь. Бухалтер должен быть с пузом, он должен быть крепким и мощным! А ты, эльфийская подстилка, сколько ты сможешь выбухать за раз?

Он сделал паузу, явно наслаждаясь своей колкостью, и оглянулся на товарищей, которые уже успокаивались, но всё ещё ухмылялись в бороды.

-Одну пригоршню, не больше! Я таких уже видел - приходят из эльфийских лесов, думают, что они лучше всех, а как пиво попробуют - так с пары глотков под стол падают! Вот мы тебя сейчас в темницу отведём, и дадим нашего пивка - там и посмотрим, какой ты бухгалтер!

Он снова заржал, и двое других подхватили его смех, так что каменные стены снова загудели от их хохота, и Лена почувствовала, как её охватывает облегчение, смешанное с раздражением.

Она выдохнула, понимая, что они, кажется, не собираются её убивать - по крайней мере, прямо сейчас, - и это придало ей сил, хотя ноги всё ещё дрожали, а руки тряслись как у пьяницы. Она поднялась на ноги, одёрнула испачканную юбку и, стараясь говорить ровно, хотя внутри всё клокотало от смеси страха и злости, произнесла:

-Слушайте, я не знаю, что тут происходит, но я хочу понять: это прикол? Розыгрыш? Меня снимают скрытой камерой? Вы ролевики, которые решили пошутить над беззащитной девушкой?

Она оглядела зал, пытаясь найти камеру или микрофон, но ничего не нашла, и её голос дрогнул, когда она повторила:

-Это просто смешно. Хотя нет... Вообще не смешно! Я упала в подвал, провалилась через зеркало, а теперь вы тут сидите с топорами и называете меня шлюхой. Так что объясните мне, что это за хрень, и, пожалуйста, перестаньте обзывать!

Они перестали смеяться так же внезапно, как и начали, и Лена увидела, как их лица стали серьёзными - настолько серьёзными, что она на мгновение испугалась сильнее, чем когда они держали топоры над её головой. Рыжий подошёл к ней ближе, почти вплотную, и она почувствовала запах пива и пота, смешанных с дымом, и он проговорил, чеканя каждое слово, как будто она была тупым ребёнком, который не понимает очевидных вещей:

-Такая рыжая, а такая тупая... Или косишь под дуру? Ты в Подгорье. В королевстве гномов. Камер у нас тут полно – и они не скрытые, и пленники у нас там томятся не в самых сахарных условиях, раз уж тебе интересно. А мы - стража короля Торгрима. И если ты не хочешь, чтобы тебя бросили в самую глубокую шахту, ты лучше расскажи, кто ты такая, и что тебе здесь нужно.

Седой, который до этого молчал, подошёл сбоку и добавил, не повышая голоса, но в его тоне слышалась сталь:

-Если ты шпионка, мы можем убить тебя прямо здесь. Если ты случайно - у нас есть закон, и король решит, что с тобой делать. Так что выбирай слова.

Лена сглотнула, переводя взгляд с одного бородатого лица на другое, и поняла, что они не шутят - они действительно верят в то, что говорят, и это было страшнее, чем если бы они были просто ряжеными. Она набрала в грудь воздуха и сказала, стараясь, чтобы её голос звучал спокойно, хотя внутри всё дрожало:

-Меня зовут Лена. Я главный бухгалтер строительной компании в Москве. Я не знаю, как я здесь оказалась - я просто спустилась в архив, увидела зеркало, и оно меня затянуло. Я не шпионка, я не эльфийка, и я не хочу никому причинять вреда. Я просто хочу вернуться домой, к своим фикусам, к работе и к нормальной жизни. Она сделала паузу и посмотрела им прямо в глаза, чувствуя, как в ней поднимается та самая злость, которая помогала ей выживать в спорах с налоговой:

-И перестаньте называть меня шлюхой, блин. У меня есть имя.

Рыжий и чёрный переглянулись, и на их лицах появилось выражение, которое она не могла прочесть - не то уважение, не то насмешка, но они больше не смеялись, и это уже было победой.

Они переглянулись, и на их лицах, впрочем, снова появилась та самая жесткая усмешка, которая, как поняла Лена, означала только одно: они не собираются верить ни единому её слову, потому что для них она была врагом по определению, просто потому что была высокой и безбородой. Рыжий сделал шаг вперёд, его топор всё ещё был наготове, хотя он и не заносил его, но в его позе чувствовалась угроза, и он проговорил, понизив голос до рыка, от которого у неё по спине пробежали мурашки:

-Имя эльфийским подстилкам не положено. Хватит болтать, потаскуха! Проникла, отродье шпионское, пытаешься нам мозги промыть? Нихрена не выйдет!

Лена почувствовала, как в груди закипает злость - та самая злость, которая всегда помогала ей держаться в спорах с налоговой и с Валерой, и она выпрямилась, чувствуя, как страх отступает перед этим холодным гневом, который был сильнее истерического смеха и сильнее желания убежать.

Она сделала шаг вперёд, сама не понимая, зачем, но её ноги двигались сами, и она оказалась почти вплотную к рыжему, глядя на него сверху вниз, хотя он всё ещё держал топор на весу.

-Я уже поняла, что промыть мозги вам не выйдет, - сказала она, стараясь говорить ровно, хотя голос дрожал от напряжения, и она слышала, как в её собственных словах звенит сталь, которую она не знала в себе до этого момента. -И даже ясно почему. Потому что для этого у вас должны быть мозги, а судя по тому, как вы тут пьёте пиво и тычете топорами в безоружную женщину, вы их потеряли ещё до того, как отрастили эти свои бороды!

Чернобородый гном вздохнул - глубоко, почти театрально, как будто он был уставшим учителем, которому надоело объяснять очевидные вещи тупому ученику. Он опустил топор и медленно, с нарочитой небрежностью, переложил его из руки в руку, и его глаза, маленькие и колючие, впились в Лену с таким холодом, что ей стало не по себе, хотя она и старалась не показывать страха.

-Вечно эта эльфийская погань считает себя лучше всех, - проговорил он, и его голос был низким, почти ласковым, что делало его ещё более жутким, чем крики рыжего. -И умнее всех. Гордишься своими мозгами?

Он сделал шаг вперёд, и его топор теперь висел в опущенной руке, но он слегка покачивал им, как будто прикидывая траекторию удара.

-Я вот сейчас махну секирой, - и он медленно, смакуя каждое слово, поднял топор, проводя лезвием по воздуху перед её лицом, не касаясь, но так близко, что она почувствовала холод металла на своей коже, -и тогда мы посмотрим, сколько умных мыслей выдаст твоя башка, пока летит на пол.

Лена почувствовала, как холод металла коснулся её кожи, и в этот момент страх, который она сдерживала все это время, накрыл её с головой, вытеснив и злость, и истерический смех, оставив только ледяную пустоту внутри. Она отшатнулась назад, прижимаясь спиной к стене, и подняла руки, но уже не в жесте вызова, а в жесте защиты, и её голос, который минуту назад звучал сталью, теперь дрожал и срывался, потому что она вдруг осознала, что эти люди (или не люди?) действительно готовы её убить без малейших колебаний.

-Послушайте, - начала она, и слова вылетали быстро, как будто она боялась, что не успеет договорить, - я не знаю, что вы за люди и почему вы так злитесь, но я правда не понимаю, где я и что происходит. Я просто хочу вернуться на работу, у меня там отчеты не сданы, меня уволят, если я не приду.

Она переводила взгляд с одного бородатого лица на другое, пытаясь найти в них хоть каплю понимания, но видела только холодную настороженность, которая не оставляла места для сочувствия.

Лена сглотнула и продолжила, уже почти умоляя, хотя её голос стал чуть твёрже, потому что она поняла, что паника только ухудшит ситуацию:

-Вы же видите, я безоружна, я не умею драться, я вообще не знаю, как тут оказалась. Может быть, это какая-то ошибка, может быть, ваше начальство разберётся и отпустит меня, но я вас очень прошу - не надо меня убивать. Я просто хочу домой, к нормальной жизни.

Она смотрела на чернобородого, который всё ещё держал топор, но уже не заносил его, а просто сжимал в руке, и в его глазах она увидела едва заметное колебание, которое дало ей надежду, что её слова хоть немного до него дошли.

-Я не знаю, что вы подумали, но я не враг. Я не шпионка, я не эльфийка, я даже не знаю, кто такие эльфийки, кроме того, что я читала в книгах, - она почти улыбнулась, хотя улыбка получилась натянутой и жалкой, - но если это то же самое, что в книгах, то я точно не они, потому что у меня уши круглые, видите?

Она откинула волосы с ушей, демонстрируя их, и в этом жесте было что-то настолько нелепое, что седой, стоявший сбоку, фыркнул, но не от смеха, а скорее от удивления, потому что он явно не ожидал, что эта женщина будет показывать ему свои уши вместо того, чтобы молить о пощаде или угрожать. Чернобородый прищурился, наклонил голову и посмотрел на её уши с таким пристальным вниманием, как будто разглядывал редкий минерал, и его лицо на мгновение потеряло ту жёсткую маску, которая была на нём всё это время. Он опустил топор и медленно, будто размышляя вслух, произнёс, обращаясь скорее к своим товарищам, чем к Лене:

-Уши действительно не острые, я смотрю. Да и если бы была эльфийка, - он перевёл взгляд на рыжего, - она бы уже начала драться, когда я поднял на неё топор. Эльфийки не умеют стоять на месте и терпеть угрозы - они или бегут, или бьют первыми. А эта стоит и какую-то хрень про работу несёт, и руки трясутся.

Он почесал бороду и добавил:

-Либо это не эльфийка, либо очень хитрая эльфийка, которая притворяется дурой. В любом случае, нам не решать. Он развернулся и махнул рукой в сторону двери, из которой они вышли:

-В любом случае, надо вести её к начальнику стражи. Он решит, что с ней делать. Рыжий нахмурился, явно недовольный таким решением, но перечить не стал, а чёрный уже подошёл к Лене и схватил её за локоть, сжав его так, что она поморщилась от боли, но не стала вырываться - она поняла, что это её единственный шанс.

-Идём, - бросил чернобородый, не оборачиваясь, и его голос прозвучал глухо, как будто он уже потерял к ней интерес, -и если ты попытаешься выкинуть какой-нибудь эльфийский фокус, я лично тебя пополам разрублю.

Все трое взяли её под локти - рыжий слева, чёрный справа, а седой пошёл сзади, подталкивая в спину, и Лена почувствовала, что её ведут не как гостью, а как пленницу, которую тащат на допрос. Она попыталась замедлить шаг и спросить, кто они такие и что это за место, но рыжий тут же дёрнул её за локоть так сильно, что она вскрикнула, и он рыкнул:

-Молчать, гнида эльфийская! Успеешь наговориться с начальником стражи, если он тебя не прибьёт сразу. Она попробовала обратиться к чернобородому, потому что он показался ей чуть более сговорчивым, но он даже не взглянул на неё, а только сжал пальцы на её руке сильнее, и она поняла, что расспросы здесь бесполезны - они шли молча, игнорируя её, как будто она была не живым человеком, а мешком с картошкой. Они спускались по узкой каменной лестнице, которая вилась вниз, и с каждым шагом становилось всё темнее, сырее и холоднее, а стены покрывались мхом и какими-то тёмными разводами, которые Лена не решалась

рассматривать. Она пыталась запомнить путь, но коридоры были такими однообразными, что она уже через минуту потеряла ориентацию, и ей оставалось только считать ступени, чтобы не сойти с ума от страха и неизвестности.

Они остановились перед тяжёлой железной дверью, которую седой отворил с противным скрипом, и Лена увидела помещение, которое сразу напомнило ей фильмы про средневековые темницы: вдоль стен тянулись каменные камеры с решётками, за которыми было темно и пусто, и только редкие факелы на стенах разгоняли мрак, оставляя длинные тени, которые плясали на полу. Она сглотнула, понимая, что её могли бы бросить в одну из этих камер, но они провели её дальше, в конец коридора, где была ещё одна дверь, уже деревянная, но окованная железом, и за ней оказалась комната, которая резко контрастировала с общим убожеством тюремного коридора. Стены здесь были увешаны знамёнами и флагами - потёртыми, с выцветшими узорами, на которых угадывались изображения топоров, молотов и каких-то зверей, которых она не могла разобрать, а между флагами висели трофейные головы животных: олени рога, кабаньи клыки, какие-то рогатые черепа, которые смотрели на неё пустыми глазницами. На другой стене, от пола до потолка, висело оружие - топоры, секиры, палицы, несколько мечей, и все они были массивными, грубыми, как будто их делали не для красоты, а для того, чтобы убивать, и от этого зрелища у Лены перехватило дыхание.

Посреди комнаты стоял массивный стол, заваленный бумагами, картами и какими-то металлическими предметами, которые она не успела разглядеть, потому что всё её внимание приковал человек, сидевший за этим столом. Он был таким же низким и коренастым, как и трое её конвоиров, но шире в плечах, почти квадратный, с руками, которые выглядели как две кузнечные наковальни, и лицом, которое, несмотря на густую тёмную бороду, скрывающую его нижнюю половину, было испещрено шрамами - один наискосок через левую бровь, другой, более глубокий, на правой скуле, и ещё один, который начинался где-то под бородой и уходил вниз, на шею. Он сидел неподвижно, низко опустив голову, и что-то рассматривал на столе, и Лена услышала, как за её спиной трое её конвоиров выдохнули, словно они только что закончили сложную работу, и рыжий выступил вперёд, стукнув кулаком по столу, чтобы привлечь внимание. Человек за столом медленно, почти лениво поднял глаза, и Лена встретилась с его взглядом - холодным, острым, как его секира, которая висела на стене у него за спиной, и в этом взгляде было столько силы и одновременно презрения, что у неё подкосились ноги.

-Командир, - начал рыжий, и голос его стал подобострастным, как у провинившегося школьника перед директором, - мы поймали эту эльфийскую шпионку в зале для трапез. Она просто вошла через дверь, как будто ей здесь всё позволено, и начала нести какую-то чушь про свою работу и про то, что хочет вернуться к каким-то цветам.

Он кивнул в сторону Лены, которая стояла, прижимаясь спиной к стене, потому что её локти всё ещё держали чёрный и седой, и продолжил:

-Мы её допросили, но она не сознаётся, говорит, что случайно попала через зеркало. Уши у неё круглые, начальник, и драться она не пыталась, так что мы не уверены, эльфийка она или кто, но она высокая и безбородая, а это уже подозрительно". Чернородый кивнул в подтверждение и добавил:

-Мы привели её к вам, как положено. Решайте, что с ней делать, но она явно не местная.

Начальник стражи медленно перевёл взгляд с рыжего на Лену, и в этом взгляде не было ни капли удивления или любопытства - только холодная оценка, как у человека, который привык измерять всё на вес и видит в ней лишь очередную проблему, которую надо либо решить, либо отбросить. Он откинулся на спинку стула, и дерево под его весом жалобно скрипнуло, а его руки, огромные и грубые, легли на стол, сжимаясь в кулаки, как будто он готовился к удару.

-Эльфийка? - переспросил он, и голос его был низким, хриплым, как будто он прокурен и пролит огнём, и он снова посмотрел на Лену, сканируя её с головы до ног, от спутанных рыжих волос до грязных туфель, которые не подходили этому миру ни по цвету, ни по форме.

-Слишком грязная для эльфийки. И слишком растерянная. Остроухие либо бегут, либо умирают в бою. А эта, - он усмехнулся, и его усмешка была похожа на оскал, - эта стоит и просто хлопает ресницами.

Обойдя Лену по кругу, смерив оценивающи взглядом, от которого ей стало жутко некомфортно, будто он глазами проникал ей под одежду.

-Идиоты! Или вы совсем ослепли?!, - взревел начальник стражи. –Эльфов не видели?! Я вас отправлю лес патрулировать, чтоб вы, каменные лбы, насмотрелись на эльфов вдоволь! Неужели не видно, что она человек?!

И, успокоившись так же моментально, как и вспыхнув, он продолжил:

-Но вопроса это не отменяет. Какого хрена тут делает человек?... Ну что ж, - он поднялся из-за стола и сделал шаг в её сторону, и Лена почувствовала, как сердце ухнуло вниз, -послушаем, что она скажет. Вы, три пустые башки, валите на пост. Если найду хоть каплю пива – отстригу бороды лично, работать пойдёте в «траходом»! Вон отсюда!

Он рывкнул так оглушительно, что Лена даже дёрнулась и чуть присела от неожиданности. Три её конвоира рванули так, что чуть дверь с петель не вынесли.

-Итак, человеческая леди соблаговолит сесть? У меня к вам парочка вопросов.